

следует отказываться. «Я не считаю это [то есть взывание к милости – А. Н.], ни благородным подвигом, ни красным словом, — далее продолжает Лъвов, — да и в моральном смысле <...> милость без заслуги <...> угнетение общее, если же милость кто по заслуге получил <...> тогда она только справедливость...». (а) Негативное отношение Лъвова к *милости* вызвано, очевидно, ее внеположенностью праву, в то время как *справедливость*, категория рациональная, с правом связана напрямую. Здесь различимо противопоставление двух эпох: *милость* оказывается категорией прошлого века, *справедливость* отвечает современному пониманию общественного благополучия. Державин, видимо, был согласен со Лъвовым и по его замечанию изменил строку: «И правотой сердца пленит», что привело к некоторому противоречию, ведь «правота» (справедливость) способна пленить скорее разум, чем сердце.

Этот маленький эпизод 1791 года из истории восприятия *милости* и *справедливости* важен, кажется, своей характерностью. В сравнении с эпохой Ломоносова, благо общества понимается в 1790-е годы иначе. Лъвов, а вслед за ним Державин видят его в максимальной независимости общества от воли монарха, ведущей к произволу, «угнетению общему», *справедливость* оказывает

(а) Там же.